

ВТОРОЙ ЛИСТЪ ГАЗЕТЫ

ОДЕСССКІЯ НОВОСТИ

№ 4643.

Воскресенье, 6-го іюня 1899 г.

№ 4643.

Борисъ Годуновъ.

Мефистофель („Фаустъ“)

Іоаннь Грозный („Псковская“).

Мельникъ („Русалка“).

ф. И. Шаляпинъ, артистъ Императорской московской оперы.

Сапоги бенефицианта.

(Юмористическій разсказ).

Фрейхер фонъ-Шлихтъ.

Первый любовник и фатъ городского театра провинціального городка Х. справляетъ сегодня свой бенефисъ. Тотъ, кому хоть немного знакомы нравы театральнаго міра маленькихъ городковъ, пойметъ, сколько надеждъ возлагается на такой вечеръ. Жалованье такъ незначительно, что его еле хватаетъ даже на скудное пропитаніе, а чтобы отложить себѣ хоть грошечка на черный день, на глухое беззангаментное время,—о, до такихъ смѣлыхъ фантазій не возносился еще никто изъ бѣдныхъ актеровъ. Князья и короли въ блестящемъ одѣяніи—на сценѣ, бѣдняги въ обшденной жизни часто изодня въ день пробавляются черствымъ хлѣбомъ и водой—такъ и живутъ они въ мірѣ грезъ и дѣйствительности. При такихъ условіяхъ не надо быть мотомъ, чтобы жалованья все-таки не хватало даже на необходимое; актеры влѣзаютъ въ долги, и вотъ единственнымъ якоремъ спасенія является бенефисъ. Боже, сколько свѣтлыхъ надеждъ возлагается на этотъ вечеръ! Сколько радостей и горькихъ разочарованій заключаетъ онъ въ себѣ. Никогда не забуду, какъ въ маленькомъ городкѣ, гдѣ я когда-то жилъ, первой актрисѣ отъ бенефиса отчислилось 25 пфениговъ,—поистинѣ трагическій случай!

Такого печальнаго результата первый любовникъ Реймерсъ, конечно, опасаться не могъ, потому что онъ на самомъ дѣлѣ былъ прекрасный актеръ, а что еще важнѣе, онъ былъ кумиромъ многихъ молодыхъ дамъ. Высокій, красивый мужчина, съ стройнымъ, гибкимъ станомъ, молодежавымъ, свѣжимъ лицомъ, онъ былъ еще обладателемъ томныхъ, черныхъ очей и густыхъ бѣлокурыхъ кудрей. Все было въ немъ красиво, одно только... у него были чрезвычай-

но длинныя, да еще съ широчайшей ступней ноги. О, эти ноги были поистинѣ безобразны и составляли его большое мѣсто. Онъ старался прикрыть этотъ грѣхъ тѣмъ, что носилъ всегда брюки, далеко спадающія на ступню, но въдь это было возможно только въ салонныхъ роляхъ; бѣда, когда ему приходилось являться въ высокихъ верховыхъ сапогахъ—тутъ ужъ видъ его колоссальныхъ двигательныхъ органовъ проигрывалъ въ концѣ. Носилъ онъ дру-

гоступалъ такъ: на тѣ же, свои единственные, надѣвалъ черныя до коленъ,—гамаши и превращеніе готово. Къ этой-же самой сапожной метаморфозѣ долженъ былъ прибѣгнуть Реймерсъ въ день своего бенефиса.

Не легко выбрать бенефисную пьесу въ маленькомъ городкѣ. Если пьеса совсѣмъ незнакомая, то каждый про себя говоритъ: „Мы этой вещи не знаемъ, подождемъ-ка лучше, какой-то она окажется“. Поставь старую вещь, всякій говоритъ: „О, такая знакомая пьеса, мы ее ужъ смотрѣли,—стоитъ ли тратить деньги на то, чтобы смотрѣть во второй разъ“. Результатъ въ обоихъ случаяхъ одинаковъ: театръ остается пустъ.

Долго раздумывалъ бенефициантъ, какую роль ему выбрать, пока не остановился наконецъ на роли „дикаго Рейтлингена“ въ комедіи Мозера. Ловко составленная замѣтка, пущенная въ мѣстной газеткѣ, возбудила любопытство публики; удивленные обитатели городка прочли, что самъ Фридрихъ Великій, своей высочайшей особой, лично появится на сценѣ; что его величество король далъ на это свое милостивѣйшее разрѣшеніе; пропесня даже слухъ о томъ, что гогеинюллерскій музей отпустилъ на этотъ вечеръ костыль и форму стараго Фрица. Реймерсъ не ошибся въ разсчетъ, и уже въ предварительной продажѣ была разобрана большая часть мѣстъ. Антрепренеръ потиралъ себѣ руки, а бенефициантъ желудокъ—въ перспективѣ удвоенная порція бифштекса вечеромъ. За вычетомъ всѣхъ расходовъ, на его долю должно было остаться больше двухсотъ марокъ; столько денегъ онъ и не видывалъ сроду.

Наконецъ-то сможетъ онъ расплатиться не только съ важнѣйшими долгами, но также и освѣжить свой гардеробъ: на первомъ планѣ, конечно, стояла починка нашихъ старыхъ знакомцевъ—сапогъ, а ужъ въ нихъ кстаті и подошвы поизносились порядкомъ,—да и лаковые носки лопнули набокахъ. Уходя съ послѣдней репетиціи, когда ужъ былъ извѣстенъ результатъ бене-

1) Ген.-отъ-пиф. Х. Х. Роопъ. 2) Ген.-отъ-кав. А. О. Петровскій. 3) Инж.-ген. А. Я. Чермерзинъ. 4) Ген.-отъ-пиф. П. Я. Звѣрьевъ. 5) Ген.-отъ-пиф. П. А. Махотинъ. 6) Ген.-лейт. С. П. Зыковъ. 7) Ген.-лейт. Л. О. Квицинскій. 8) Ген.-отъ-пиф. В. Н. Максимовичъ. 9) Ген.-лейт. И. Д. Сапожниковъ. 10) Ген.-майоръ И. А. Боголюбовъ.

Юбилеры, праздновавшіе 26-го мая 1899 г. пятидесятилѣтіе своего служенія въ офицерскихъ чинахъ.

гіе сапоги, можетъ быть, величина его ногъ и не такъ-бы бросилась въ глаза; увѣ! онъ былъ обладателемъ единственной пары сапогъ, которые онъ носилъ всегда и вездѣ—на улицѣ и на сценѣ; то были сапоги на пуговицахъ съ широкимъ и очень длиннымъ лаковымъ носкомъ. Когда ему приходилось выходить въ верховыхъ сапогахъ, то онъ

Жишиевъ.—Пушкинскіе дни.—Закладка народнои аудиторіи имени А. С. Пушкина.

фисной продажи въ кассѣ, онъ прямо отправился къ сапожнику.

— Сможете-ли вы сегодня къ пяти часамъ прислать мнѣ починенные сапоги обратно на домъ?

— О, да, я тотчасъ пошлю за ними къ вамъ и ровно къ четыремъ, а уже самое позднее въ пять, пришлю ихъ къ вамъ совершенно готовыми обратно домой...

Настало четыре часа, пять; нашъ актеръ начинаетъ волноваться, и въ большихъ войлочныхъ туфляхъ тревожно шагаетъ по комнатѣ, а сапоговъ все не несутъ. Ровно въ семь часовъ обыкновенно начиналось въ театрѣ, въ шесть онъ долженъ быть тамъ и начать одѣваться, а теперь уже половина шестого. Первое, что ему приходило въ голову, это кинуться къ сапожнику, потребовать у него объясненія, но... выполнение этого намѣренія оказывалось невыполнимымъ за неимѣніемъ второй пары сапогъ: не могъ-же онъ, въ самомъ дѣлѣ, идти въ однихъ чулкахъ по улицѣ,—въ туфляхъ развѣ. Да, хорошо еще, кабы онъ были кожаные! Но его туфли были изъ войлока, да притомъ еще пора ихъ свѣжей юности отошла въ незапамятныя времена.

Пробило половину шестого. За помощью въ своей бѣдѣ обратился онъ къ своей хозяйкѣ, молодой, видной вдовушкѣ, давно уже отдавшей половину своего сердца интересному постояльцу; вдовушка оказалась дамой энергичной и общала помочь.

— Ахъ, господинъ Реймерсъ, что

вы говорите, въдь это неслыханное дѣло? Знаете что? Я живо добѣгу до сапожника, въдь это близехонько, и принесу ваши сапоги. Ужъ положитесь на меня.

— О, да, я тотчасъ пошлю за ними къ вамъ и ровно къ четыремъ, а уже самое позднее въ пять, пришлю ихъ къ вамъ совершенно готовыми обратно домой...

Настало четыре часа, пять; нашъ актеръ начинаетъ волноваться, и въ большихъ войлочныхъ туфляхъ тревожно шагаетъ по комнатѣ, а сапоговъ все не несутъ. Ровно въ семь часовъ обыкновенно начиналось въ театрѣ, въ шесть онъ долженъ быть тамъ и начать одѣваться, а теперь уже половина шестого. Первое, что ему приходило въ голову, это кинуться къ сапожнику, потребовать у него объясненія, но... выполнение этого намѣренія оказывалось невыполнимымъ за неимѣніемъ второй пары сапогъ: не могъ-же онъ, въ самомъ дѣлѣ, идти въ однихъ чулкахъ по улицѣ,—въ туфляхъ развѣ. Да, хорошо еще, кабы онъ были кожаные! Но его туфли были изъ войлока, да притомъ еще пора ихъ свѣжей юности отошла въ незапамятныя времена.

Пробило половину шестого. За помощью въ своей бѣдѣ обратился онъ къ своей хозяйкѣ, молодой, видной вдовушкѣ, давно уже отдавшей половину своего сердца интересному постояльцу; вдовушка оказалась дамой энергичной и общала помочь.

— Ахъ, господинъ Реймерсъ, что

Мигомъ побѣжала она и черезъ четверть часа воротилась обратно.

— Ну ужъ, онъ останется доволенъ, этотъ господинъ; я ему наговорила того, чего онъ еще и не слышалъ ни отъ кого...

— Благодарю васъ, милая хозяйка, но гдѣ же мои сапоги?

— Да въ томъ и дѣло, что они еще не готовы.

— Но зачѣмъ-же не принесли вы ихъ такъ, какъ они есть?

— Такъ, какъ они есть?—спросила она въ изумленіи...—безъ подошвъ? Хороши вы будете на сценѣ въ сапогахъ безъ подошвъ!

Онъ запнулся.

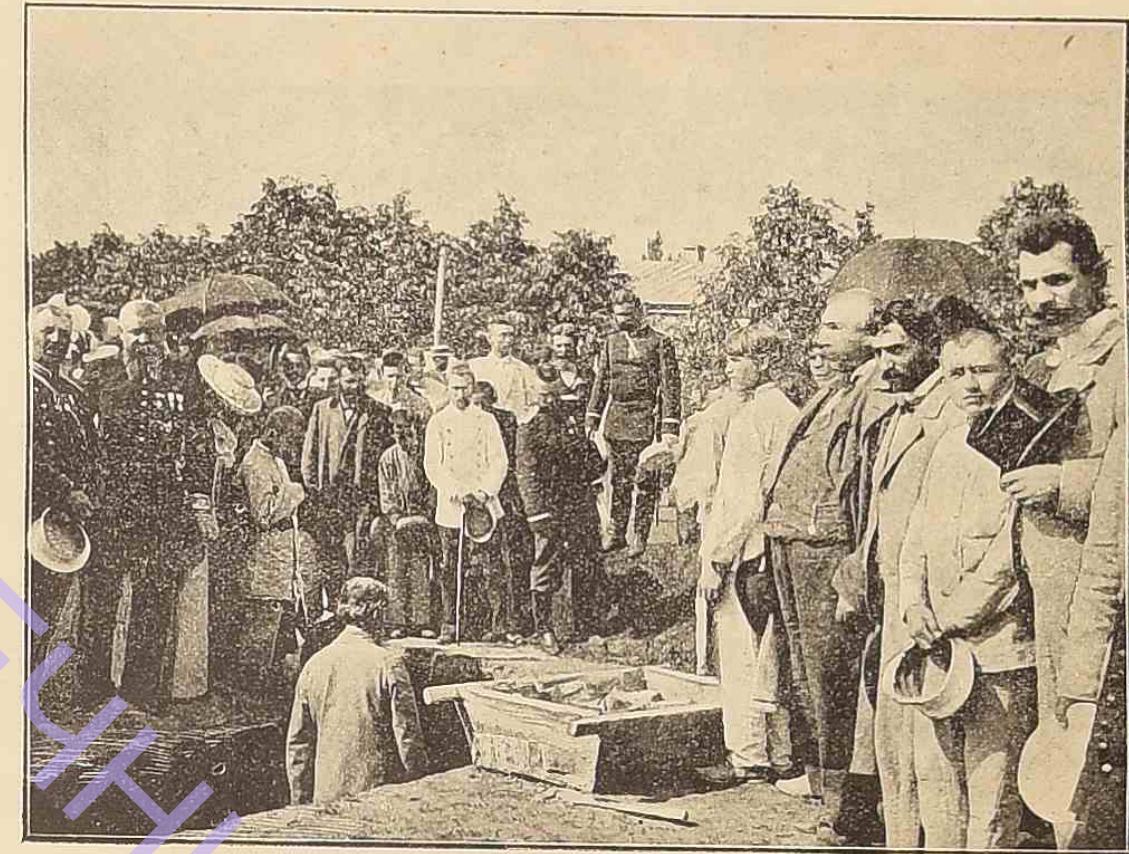
— Какъ, безъ подошвъ?

— Да,—отвѣтила она сердито,— онъ сорвалъ подошвы именно въ тотъ моментъ, когда я вошла, но черезъ часъ сапоги будутъ готовы и онъ пришлетъ ихъ вамъ прямо въ театръ. Онъ далъ мнѣ слово, а я покаялась выцарапать ему глаза, если онъ не сведетъ этого слова. Онъ знаетъ меня хорошо, а потому увѣренъ, что я въ такихъ случаяхъ не шучу.

— Боже мой, все это прекрасно,—возразилъ раздраженный лихейдѣй,— но что же мнѣ теперь дѣлать? Я долженъ тотчасъ идти въ театръ, а у меня нѣтъ сапогъ.

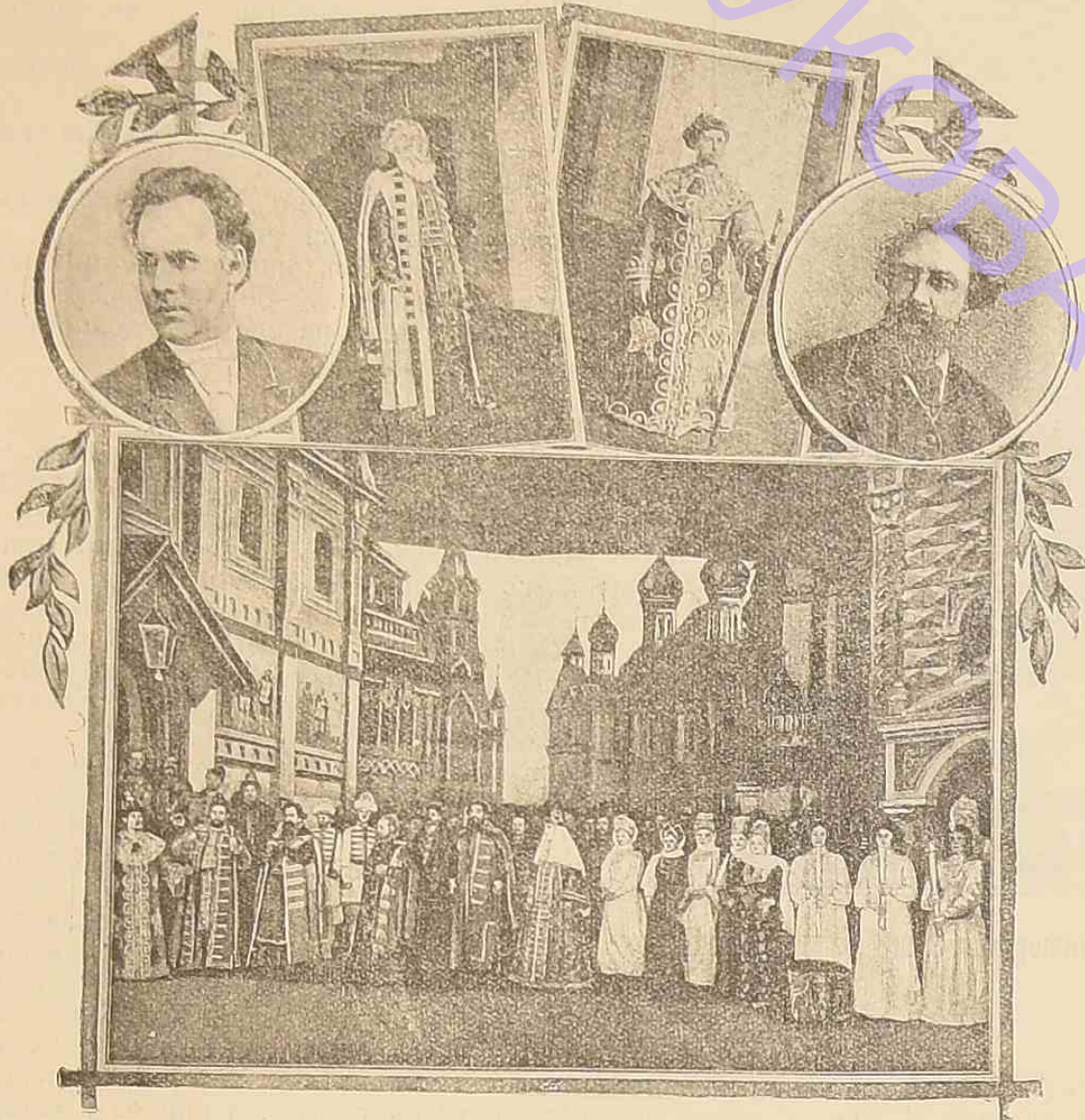
Подумавъ минутку, хозяйка сказала:

— Знаете что? Надѣньте-ка ваши резиновыя калоши, на улицѣ ужъ темно и никто не разглядитъ, что у васъ подъ ними не надѣты сапоги. Въ остальномъ-же положитесь на меня, прежде чѣмъ идти въ театръ, я еще разъ зайду къ сапожнику и ровно въ семь часовъ безъ четверти сапоги будутъ въ вашей уборной.

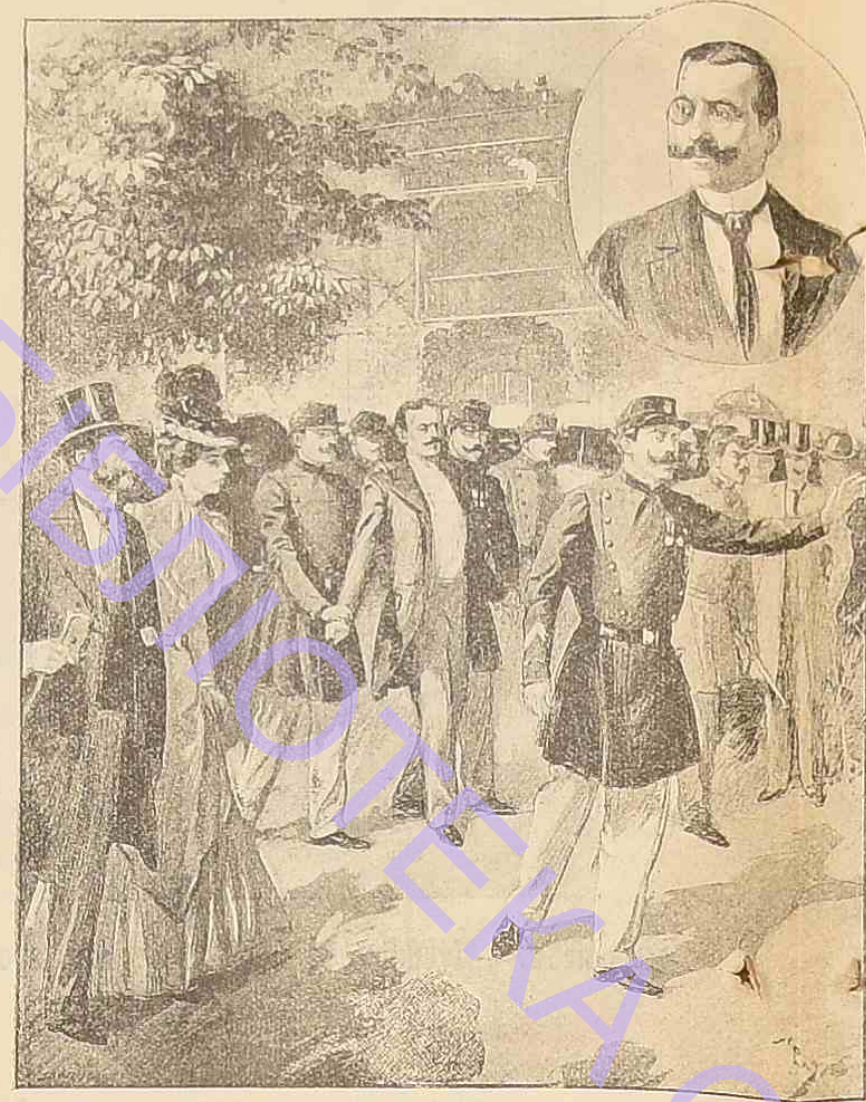

Жишиевъ.—Пушкинскіе дни.—Закладка народнои аудиторіи имени А. С. Пушкина.

Д. Н. Лонскій. Г. Бравичъ. Г. Орасневъ. А. К. Толстой.

„Царь Феодоръ Иоанновичъ“.

Грестъ барона Кристиани на скачкахъ въ Одейлѣ.

Влад. Соловьевъ. Кн. Серг. Трубецкой. Н. Я. Гротъ. Л. М. Липатинъ.

Редакція журнала „Вопросы философіи и психологіи“, созданнаго покойнымъ профессоромъ Н. Я. Гротомъ.

Жападеніе на лубѣ на скачкахъ въ Одейлѣ.

Русская опера въ Городскомъ театрѣ.

А. В. Секарь-Рожанскій. О. Т. Каміонскій. Н. К. Мутинъ

Л. В. Собяновъ. А. Н. Шперлянгъ. А. В. Костошьянъ.

І. Груффи.

Д. Броджи-Мутини. А. Н. Лутковскій. Е. К. Коломенко.

Е. О. Терьянь-Карганова.

С. Н. Гладкая. С. П. Оленинъ.

Кишиневъ.—Памятникъ А. С. Пушкина въ городскомъ саду въ день 26 мая 1899 г.

— Ваша уборная, чортъ возьми, какъ это звучитъ шикарно!

На самомъ-то дѣлѣ имѣлась одна общая уборная для всѣхъ мужчинъ, и когда Реймерсъ появился, тамъ уже было тѣсно, какъ въ муравейникѣ, и царилъ страшная кутерьма. Всѣ привѣтствовали его очень дружелюбно, — въдъ онъ былъ героемъ вечера, и всякій надѣялся по окончаніи спектакля быть приглашеннымъ на кружку пива.

Единственно, кто былъ уже со-всѣмъ готовъ къ выходу, это артистъ, изображавшій „старого Фрица“. Хотя онъ появлялся только въ послѣднемъ актѣ, онъ поторопился облечься въ костюмъ, чтобы уже въ немъ лучше освоиться съ походкой великаго короля, его манерой нюхать табакъ и закрывать табакерку.

Наконецъ, всѣ костюмы и парики надѣты и всѣ актеры ужъ стояли на сценѣ, смотря по очереди въ отверстіе въ занавѣсѣ.

— Дѣтунки, вотъ такъ переполнено,—говорила субретка, играющая сегодня роль Юнкера;—я буду себя неловко чувствовать въ игривости передъ такой многочисленной публикой, и она кокетливо повернулась на каблучкахъ, чтобы всѣмъ дать возможность полюбоваться своей граціозной фигуркой, обтянутой красивой военной формой эпохи Фридриха.

Ужъ музыка окончила маршь, и данъ былъ первый звонокъ, какъ вдругъ на сцену влетаетъ стремглавъ „дикій Рейтлингенъ“ въ полной формѣ, но безъ сапогъ.

— Ради Бога, не давайте занавѣса,

мои сапоги еще у сапожника.

Послѣдовали страшный шумъ и сумятица.

— Молчать,—загремѣлъ директоръ:—каждаго, кто скажетъ только слово, штрафую на марку!—Потомъ, обратившись къ Рейтлингену:—я требую объясненія.

Объясненіе было дано, но дѣлу это не помогло, сапогъ все-таки не было.

Директоръ былъ человекъ дѣла.

— Гдѣ посыльный изъ театра?—Послать его моментально за сапогами.

Посыльный ринулся исполнять порученіе, а послѣ того появился въ оркестръ маленький мальчикъ и крикнулъ дирижеру:

Сыграйте еще что нибудь.

Его слова подхватили всѣмъ театромъ, и невообразимый шумъ слился съ раздавшимся звуками „голубого Дуная“.

Къ концу музыки уже влетѣлъ на сцену запыхавшійся посыльный съ крикомъ:

— Сапожникъ говоритъ, сапоги дѣланы были ужъ давно быть здѣсь, онъ четверть часа тому назадъ отправилъ ихъ сюда съ мальчикомъ.

Должны были быть, но ихъ все-таки не было.

Между директоромъ и бенефициантомъ завязалось объясненіе, которое по ясности своей не оставляло желать ничего лучшаго.

Публика, услышавъ громкій говоръ на сценѣ, начала выражать нетерпѣніе; тогда директоръ, вынувъ изъ кармана сюртука колокольчикъ, далъ второй звонокъ. Какъ по командѣ затихло все въ зрительномъ залѣ.

— Умоляю васъ,—кинулся любовникъ,—погодите же начинать.

— Что-же, прикажете мнѣ публику отправить обратно, вернуть имъ деньги, и это именно тогда, когда выдался одинъ полный сборъ? Я и думать не хочу; съ сапогами или безъ оныхъ, а спектакль долженъ состояться, слышите? Во всемъ виноваты вы, потому что вдругъ понадобилось вамъ играть въ крѣпкихъ сапогахъ! Тѣ, худые, держались столько времени, продержались бы и сегодняшний спектакль. Въ первой сценѣ вы не заняты, а къ вашему выходу извольте раздобыть сапоги, возьмите у кого-нибудь.

— Да мнѣ чичи по ногѣ изъ придятся,—завопилъ бѣдняга.

— Мнѣ дѣла нѣтъ,—загремѣлъ жестокій директоръ,—тогда играйте въ резиновыхъ калошахъ или дѣлайте, какъ хотите. Ну, теперь посмотримъ, какъ дождетесь вы у меня бенефиса! На мѣста, разъ, два, три,—занавѣсѣ!

Въ состояніи, близкомъ къ самоубійству, прислонился нашъ бѣдный герой къ кулисѣ. Что-то съ нимъ будетъ, какъ явится передъ публикой? Ужъ первая сцена прошла, все ближе подходитъ моментъ, когда онъ во главѣ своихъ офицеровъ долженъ ворваться въ замокъ, всѣ обитатели котораго разбѣжались изъ страха передъ пруссаками, и осталась только одна молодая красивая дама съ своей субреткой.

Что-то произойдетъ, Боже мой!

Но въ самый рѣшительный моментъ явилась ему спасительная мысль, когда онъ, восторженно привѣтствуемый публикой, показавшись на сценѣ, то, вмѣсто того чтобы дико, яростно, сразу ворваться въ стѣны замка, какъ этого требуетъ роль,—онъ, опираясь на костыль стараго Фрица, еле-еле двинулся впередъ. На ногахъ, обернутыхъ холстомъ, у него были резиновыя калоши.

Увидѣвъ молодую обитательницу замка, онъ обратился къ ней съ слѣдующей импровизаціей: „Простите, сударыня, что я осмѣливаюсь предстать предъ вами въ такомъ видѣ. Я раненъ, я упалъ вмѣстѣ съ лошадию; я еле держусь на ногахъ, позвольте мнѣ присѣсть“. Никому изъ публики и въ голову, конечно, не пришло, что все происходящее на сценѣ есть чистѣйшая импровизація. Въ зрительномъ залѣ царилъ благоговѣйная, полная сочувствія тишина. „Дикій Рейтлингенъ“ въ изнеможении опустился на стулъ.

„А это мнѣ удалось ловко“,—сказалъ онъ про себя и собирался ужъ примѣнить импровизацію къ слѣдующему за выходомъ тексту, написанному авторами, какъ вдругъ надъ его ухомъ раздался вопросъ:

— Господинъ Реймерсъ, куда же нести ваши сапоги, въ уборную, что-ли?..

Онъ оглянулся,—подлѣ него стоялъ подмастерье сапожника, держа почтенные сапоги въ обѣихъ рукахъ.

Въ одну минуту, конечно, публика сообразила въ чемъ дѣло; раздался страшный хохотъ, и занавѣсѣ упалъ, чтобы больше ужъ не подняться въ этотъ вечеръ.

Всѣ деньги изъ кассы были взяты обратно, и бѣдному артисту отъ бенефиса ничего не осталось, кромѣ пары новыхъ подметокъ на старыхъ сапогахъ.

QUI PRO QUO.

Разсказъ Г. Ланда.

(съ ильмекаго).

Окончаніе *.

Земляки подпили взрядно, и черезъ часъ многіе изъ нихъ шли весьма невѣрными шагами по платформѣ, провозая доктора съ Гейницемъ на поѣздъ. Штедлеръ подхватилъ своего пациента подъ руку и съ совершенно непарламентскимъ восклицаніемъ:

— Пойдемъ, винная бочка!—поташилъ его къ вагону. Докторъ сильно покачивался и довольно громко напѣвалъ о веселомъ житѣ „буршей“. На этомъ короткомъ пути онъ три раза терялъ свою шляпу.

Между тѣмъ какъ Гейницъ эластично вскопчилъ въ купѣ, докторъ Штедлеръ былъ погруженъ въ вагонъ лишь послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ попытокъ при помощи шести рукъ дожидыхъ „земляковъ“.

* См. „Одес. Нов.“ № 4636.

При новыхъ крикахъ «ура» поѣздъ отошелъ отъ вокзала.

Докторъ и его пациентъ были одни въ купѣ, если не считать сухой, стараго дѣвы съ любопытными глазами и острымъ носомъ, сидѣвшей въ углу.

— Уф!—простоная докторъ и вытеръ себѣ лицо,—жарно—до безумія!... Онъ сдѣлалъ движеніе, какъ бы желая подняться, но опять тяжело упалъ на диванъ. Жадно вдыхая въ себя воздухъ, онъ пробормоталъ: «оки!»..

Съ улыбкой поднялся Гейницъ и открылъ одно окно, но едва онъ опять сѣлъ, какъ старая дѣва искочила съ своего мѣста и яростно захлопнула окно. Пожимая плечами, Гейницъ обратился къ своему доктору, но тотъ уже лежалъ съ закрытыми глазами и разинутымъ ртомъ, недоступный для гнусностей жалкаго земного бытія. Скоро раздался сильный храпъ. Эта «ситуація» продолжалась до тѣхъ поръ, пока поѣздъ не подошелъ къ Ораіенбургу. Тутъ Гейницъ началъ дергать и трести своего доктора и долгими усиліями добился наконецъ того, что тотъ открылъ глаза.

— Мы прѣехали, докторъ,—Ораіенбургъ!

— Да?..

— Изужно высаживаться.

— Правда?..

При содѣйствіи кондуктора купѣ было очищено. Добравшись до пераго стола въ пассажирской залѣ, докторъ упалъ на стулъ, оперся локтями на столъ и, скланивши голову на руки, заказалъ Гейницу, котораго онъ страннымъ образомъ принялъ за лакея, кружку пива и погрузился въ глубокое уныніе...

Гейницъ, покачивая головой, постоялъ съ минуту около него, затѣмъ пошелъ къ выходу и спросилъ испанщика, гдѣ находится экипажъ изъ Ферберсдорфа.

— Онъ уѣхалъ уже часъ тому назадъ.

Съ минуту Гейницъ стоялъ совершенно пораженный; затѣмъ онъ поглядѣвъ вдумчиво свою поспѣвную темную бороду, въ глазахъ его блеснулъ огонекъ, онъ быстро повернулся, бросился въ телеграфную контору и набросалъ депешу въ Ферберсдорфъ, которую тотчасъ же отослалъ. Затѣмъ онъ поспѣшилъ къ кассѣ и купилъ билетъ.

Медленно возвратившись къ доктору, онъ нашелъ его спящимъ сномъ праведника; даже промчавшійся съ громомъ курьерскій поѣздъ, отъ котораго содрогалась земля, не могъ разбу-

дить его. Гейницъ, видимо возбужденный, сталъ быстро ходить по пассажирской залѣ, подбѣгалъ къ выходу, поглядывалъ въ каждый подъѣзжавшій экипажъ, и опять возвращался, чтобы удовлетвориться, что докторъ все еще спитъ.

Такъ прошло три четверти часа. Берлинскій поѣздъ стоялъ, уже готовый къ отходу, когда къ вокзалу крупной рысью подбѣжалъ экипажъ. Изъ него вышло два человека.

Гейницъ побѣжалъ имъ на встрѣчу, поспѣшно переговорилъ съ ними, привелъ ихъ въ залу, издалъ указанія на спящаго доктора и, быстро распрощавшись, исчезъ въ купѣ берлинскаго поѣзда, который тотчасъ-же тронулся.

Четыре сильныхъ руки разбудили доктора. Передъ его сонными глазами стояли два здоревенныхъ парня.

— Экипажъ готовъ. Будьте такъ добры!..

— Ч... т... оо...?—вспеталъ докторъ.

— Пожалуйте, господинъ Гейницъ, не держите насъ!

Докторъ протеръ себѣ глаза.

— Я... я... докторъ... Штедлеръ,—сказалъ онъ меланхолическимъ голосомъ.

Парни помотали другъ на друга и закусили губы, чтобы не захохотали.

— Кто вы?—спросилъ одинъ изъ нихъ съ плохо скрываемой ироніей.

Докторъ неуклюже поднялся, оперся о столъ, раскрылъ, насколько могъ, свои заспаные глаза и повторилъ со всей энергіей, которую допускало его состояніе:

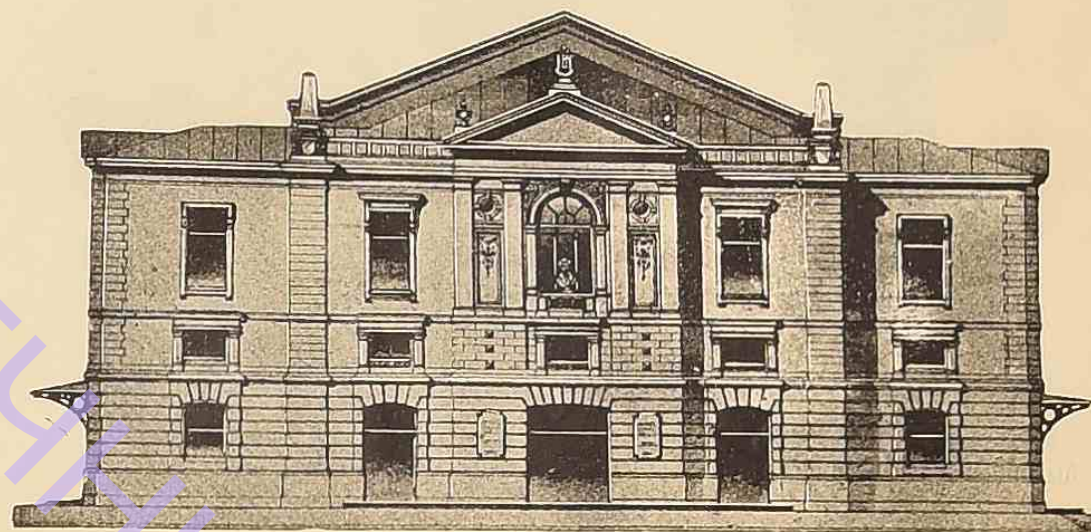
— Я... докторъ... Штедлеръ!

Парни опять значительно ухмыльнулись другъ другу.

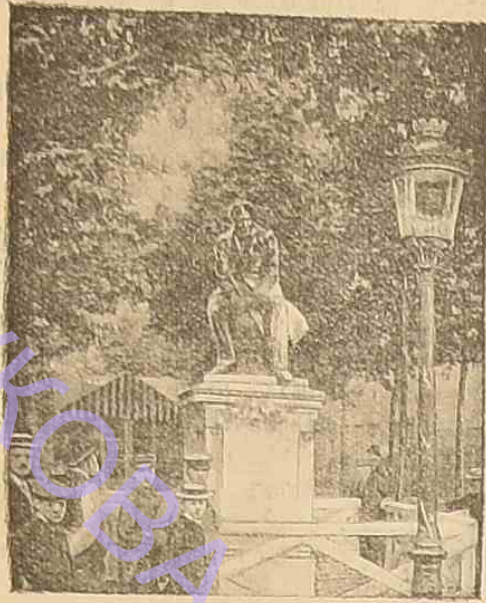
Тогда докторъ началъ грубить, громко звать своего пациента, и когда больничные служители хотѣли взять его силою, онъ сталъ такъ отбиваться отъ нихъ, что только съ помощью железнодорожныхъ сторожей былъ усаженъ въ экипажъ, который и отбѣжалъ быстро при громкомъ смѣхѣ публики.

Въ Ферберсдорфѣ дѣло разъяснилось.

Съ той поры докторъ Штедлеръ никогда больше не пируетъ съ товарищами во время служебныхъ командировокъ.

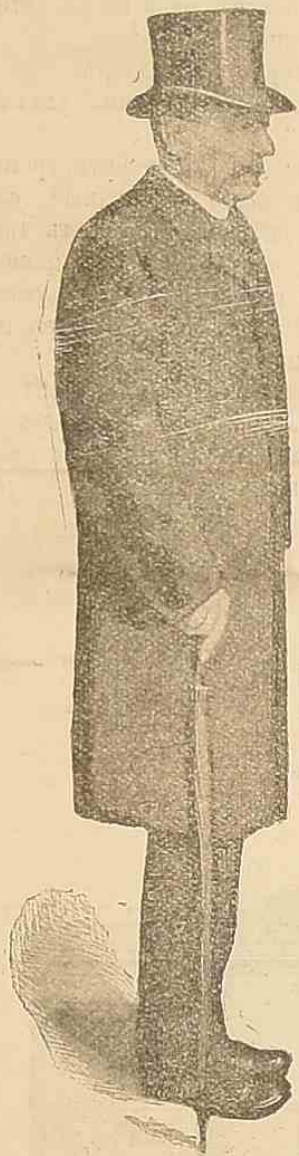
Кишиневъ.—Зданіе народной аудиторіи имени А. С. Пушкина.

Памятникъ Фурье.

Обаціи Лубэ на возвраткомъ пути изъ Отейля.

Генераль Мерсье,
бывшій военный министръ.

ПОСЛѢДНІЯ МОДЫ.

Редакторъ-издатель А.П. Старковъ.

Дозволено цензурою; Одесса, 5-го іюня 1899 года.
Типографія „Одесскихъ Новостей“, Екатерининская ул. д. Бубы.

Редакторъ В. В. Васильковскій.